

МИРЫ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

КНИГИ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

Волкодав

Волкодав. Право на поединок

Волкодав. Знамение пути

Волкодав. Самоцветные горы

Волкодав. Истовик-камень

Волкодав. Мир по дороге

Валькирия

Лебединая дорога

Меч мёртвых

Викинги

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

ВИКИНГИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 30

Серийное оформление и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Семёнова М.

С 30 **Викинги** : повести / Мария Семёнова. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Миры Марии
Семёновой).

ISBN 978-5-389-10000-8

Они приходили с моря, воины, не знающие ни жалости, ни страха смерти. Пёстрые паруса их драккаров заметны были изда- лека. И когда такой парус поднимался над горизонтом, жители прибрежных селений в страхе бежали, спасая свою жизнь. Об их отваге, мужестве, жестокости и ярости ходили легенды. Они жи- ли войной и ради войны. Их хранили суровые северные асы. Им помогали светлые альвы и тёмные йотуны. Их души уносили с поля боя златокосые валькирии. Их называли героями и варва- рами, пиратами и волками Севера. Но сами они звали себя — ви- кинги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© М. В. Семёнова, 2017
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10000-8

ДВА КОРОЛЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Так гласят старинные хроники... Давным-давно — тысячу сто лет тому назад — жил в Дании, на острове Зеландия, могущественный вождь. Звали его Ра́гнар. А ещё носил он прозвище — Ло́дброк, то есть Кожаные Штаны.

Не было такого моря, где бы ни носились его страшные полосатые паруса. Это он, поднявшись по реке Сене, в 845 году взял и дочиста разграбил Париж. А на обратном пути к морю разметал, как песок, две армии французского короля Карла. Это он немного погодя покорил на севере Англии королевство Норсхамбрия. Это он ещё через несколько лет совершил поход в русские земли, но потерял там сына и сам едва не сложил голову...

В 867 году Рагнар Кожаные Штаны отправился в Ирландию. Поначалу этот поход складывался удачно, но для Лодброка он оказался последним. Старый викинг был пленён своим злейшим врагом, норсхамбрийским королём Эллой, и в цепях привезён в его столицу — город Йорк, который тогда назывался Эофорвиком...

1. Лодброк

Отчего бы и не припомнить теперь, что мне снилось там, в Ирландии? Это, конечно, легче всего — искать в прошлом предостережения, которым в своё время не внял. Ведь всякий сон, говорят, сбывается так, как его истолкуют.

Ла́дгерд получит весть о моей судьбе и посмеётся. О, она посмеётся, моя Ладгерд, мать моего старшего сына, — Лод-

брок умер в оковах, обманом захваченный в плен!.. Рагнар, Рагнар, скажет она. А ведь тебя называли прозорливым и мудрым. Как же это ты не распознал вражеских воинов в слугах, подносивших пиво?..

Дорого я дал бы за то, чтобы вызнать — кто же всё-таки продал меня англам... Много зим длилась моя жизнь, и не ко всем бывал я справедлив, и ей, моей Ладгерд, выпало понять это раньше других. Уж не она ли отомстила мне за давнюю обиду?

Ладгерд... Нет, она била в спину только тогда, когда враг пускался от неё наутек, не смея повернуться лицом. Я-то это знаю, я же видел её, мою Ладгерд, с копьём в руках, на носу боевого корабля. Она не изменила себе и в тот день, когда мы с ней смотрели друг другу в глаза и оба знали, что эта встреча последняя. Ты, усмехнулась она, ни дать ни взять Сигурд-змееборец. Ты так же, как он, забываешь любимую ради другой. Вот только Сигурду помутило разум питьё, настоящее на злом колдовстве. А тебя, мой конунг, и околдовывать не понадобилось.

А я ей ответил... должно быть, я делаюсь стар, если не могу не то что придумать ответ, но даже и вспомнить сказанное однажды! Я ей ответил: если я — Сигурд, стало быть, мне надо ждать скорой смерти? Которой ты, моя Ладгерд, непременно добьёшься? И ещё я сказал, что, пожалуй, не стану бегать от подобной судьбы, если только она, Ладгерд, поклянётся умереть на моей могиле. Они у меня всегда были остры одинаково — оружие и язык.

Но за ней тоже ни разу ещё не пропадало, будь то меткий удар или беспощадное слово. А что, спросила она, уж не испугался ли ты, мой конунг?

Испугался? Я, Лодброк?..

Впрочем, тогда я ещё не успел стать тем, кто я ныне. И прозвища не носил. Но и тогда никто не оскорблял меня безнаказанно. На неё одну я никогда не замахнулся бы — на мою Ладгерд, и она это знала. Если я когда-нибудь буду нужна тебе, Рагнар конунг, сказала она. Я или мои воины. Ты только позови.

Я не позвал её обратно. Ни тогда, ни потом. А теперь даже у Фридлейва, нашего сына, блестит в усах седина, и люди называют его разумным. Хорошо иметь сына, который о многом судит так верно. Это даже приятнее, чем никогда не ошибаться самому.

Он был уже взрослым мужем, когда я полюбил в последний раз. Фридлейв говорил, что Убе, мой младший, ненавидел меня из-за безродной матери, которую я ему дал. А мать чтит за то, что она сделала его сыном Лодброка.

Уж не его ли люди были там, в Ирландии, подле меня?..

2. Король Элла

Всю жизнь я ждал этого дня. Все девятнадцать лет. Каждый вечер я ложился спать с мыслью о Рагнаре Лодброке, и он снился мне по ночам. Он заносил надо мной свой топор, а я не мог пошевелиться. Сколько помню себя, столько же — и этот сон. Всегда один и тот же. Я просыпался в холодном поту и лежал с открытыми глазами, обдумывая месть. Потом засыпал вновь и гнался за ним по чёрному ночному болоту, и оно расступалось у меня под ногами. А Лодброк смеялся и ускользал от меня, пропадая в тумане.

Я скрывался, я нищенствовал на дорогах страны, принадлежавшей мне по праву рождения, и люди, которые должны были бы сдёргивать передо мной свои драные шапки, из милости давали кров мне, королю, и позволяли съесть корочку хлеба, испечённого под перевёрнутым котлом!

Мне так хотелось унижить его — посмеяться над ним, когда его скованного привезли сюда, в Эофорвик. Мне казалось, что у меня проросли за спиной крылья, что я взят на небо живым, как пророк Илия. Я был полновластным хозяином Норсхамбри, и тень Лодброка не лежала больше поперёк моего пути.

Ну что, морской король, сказал я ему, нравится ли тебе Эофорвик?.. Хороша ли земля, в которой сгниют твои кости?..

А он стоял передо мной в цепях, босиком, по щиколотку в грязном талом снегу. И два воина крепко держали копья, нацеленные ему в грудь. И пожелай я оказаться одного с ним роста, мне потребовалось бы встать на скамью...

Но я не вставал! Я принудил его — Лодброка! — стоять, когда сижу я, норсхамбрийский король. Я казался себе самому величественным и важным. И только потом, когда его уже увели, понял, что был не величествен, а жалок и глуп. От себя-то этого не скроешь.

Я сидел перед ним в позолоченном кресле — надутый маленький король. А он стоял и с усмешкой в глазах разглядывал меня и мой двор. Моих воинов, и святых отцов, и старого Этельреда. Разглядывал, как утёс разглядывает волны, лопочущие у ног! А я смотрел на Рагнара, задрав голову, и думал, что унизил его.

Я ждал, что он станет затравленно озираться, а не то попробует напасть. Но и тут мне суждено было ошибиться. Он вдруг заговорил, и я вздрогнул от неожиданности, ведь я уже забыл, что сам только что к нему обратился. И я приготовился слушать по-датски, но он заговорил не по-датски, и я вспотел от волнения, испугавшись, что не пойму, и подумал, что же делать, если я не пойму... но всё это продолжалось один миг, потому что Рагнар отвечал мне на моём родном языке — на языке саксов.

Жил-был маленький, тщедушный охотник, сказал он мне. Однажды этот охотник метнул свой тоненький гарпун и нечаянно оцарапал кита. А кит взмахнул хвостом и уволок его с собою на дно. Вот так, Элла конунг.

И тогда я приказал увести его, потому что не знал, как на это ответить. Я готовился торжествовать, но теперь вместо радости в душе моей поселилась тревога. И смутное ощущение, будто я что-то делаю не так.

Один Этельред не удивляется, видя, что его король хмур и невесел и не празднует победы над таким врагом, каким был Лодброк... Был! Он ещё жив, но больше он не увидит ни солнца, ни бегущих в небе облаков. Я один определяю,

долго ли он проживёт. Я стою над ним, как змеелов, прижавший палкой ядовитого гада...

Я, Элла, король всего Севера, от Хамбера до реки Форс.

3. Лодброк

Как славно, когда есть о чём вспоминать... Уж верно, мои сыновья позаботятся, чтобы этот молодой конунг пережил меня не намного. Но сколько бы ни отмерила ему судьба, никто не произнесёт его имени, не назвав сперва моего. Потому что он никогда не совершит даже доли того, что выпало совершить мне, Рагнару Лодброку. Как это говорил Фридлейв, мой старший? Если и родится когда-нибудь вождь славнее, чем ты, Рагнар конунг, то, должно быть, его станут славить совсем за другое, нежели тебя. Ибо трудно представить, чтобы кто-то был отважнее или щедрее!

А ведь он никогда не осмелился бы приписать мне чужой подвиг или качество, которым я не обладал. И все вокруг, и я сам сразу поняли бы, что это неправда, и назвали бы подобную речь издёвкой, а не похвалой.

Хорошо иметь таких сыновей.

Мой род подобен высокому, раскидистому дереву. Свежий ветер колышет и раскачивает упругие ветви, и каждая по-своему хороша, но одна — всех выше и всех непокорней... Я сам обрубил эту ветвь. Я прогнал от себя Убе, моего младшего сына.

Кто отказал бы ему, вздумай он, сын Лодброка, посвататься к дочери самого знатного вождя? Но он предпочёл без моего ведома жениться на простой рыбачке. И привёз показать мне свою белобрысую девку, уже сыграв свадебный пир.

И я в раздражении бросил ему: ты не мог пройти мимо немой девчонки, должно быть, оттого, что и в тебе самом течёт рабская кровь!.. Девчонка расплакалась и стала совсем некрасивой, и я уже понадеялся, что усовещу моего Убе. Но он только обнял её за плечи, привлекая к себе, и тихо

сказал: надо же было тебе, отец, переодеваться женщиной, чтобы повидать мою мать! Ты так любил её, что не побоялся даже позора. А теперь попрекаешь меня низким рождением...

Двадцать два года никто не смел вспомнить о том, как я, Лодброк, ходил в женском платье. Горько думать об этом, но из всех сыновей моей храбрости больше всего досталось именно Убе, и я привык видеть в нём, как в зеркале, второго себя.

Я прогнал его вместе с его женой, навсегда запретив показываться на глаза... А ведь окажись он рядом со мной там, в Ирландии, не сидел бы я теперь в гнилой яме у Эллы конунга — в Нортимбраланде... Где же ты был, Убе?

А впрочем, как знать, может, оно и к лучшему, что в моей смерти виноват только я сам. Будь это кто-то другой, этот другой мог бы остаться ненаказанным. А мне никуда уже не уйти. Правда, англы станут думать, что казнят меня совсем за другое. Откуда им знать, что я пытался помешать моему Убе любить ту единственную, которую избрало его сердце!..

Но с этим, как видно, ничего уже не поделаешь.

4. Король Элла

Раскрыв от волнения рот, слушал я рассказы старого Этельреда о кровавой вражде Синехерда и Синевульфа, давным-давно живших на нашей земле... У меня разгорались глаза, когда я воображал себя среди товарищей храброго Озрика. Я жалел о том, что опоздал родиться на целых сто лет. Я завидовал могучим королям минувшего — Оффе и Эдвину. Я и сейчас завидую им, но только совсем по-другому. Они прожили свои славные жизни, понятия не имея о том, кто такой Лодброк.

...Дважды бежал я из Эофорвика, бросая стены, выложенные прадедовскими руками. Дважды — и в первый раз меня несли, потому что ходить я ещё не умел. Я родился в

день битвы, под одним из тех раскидистых зелёных дубов, которыми так славится наша земля. И никого не было рядом с моей матерью, королевой, кто помог бы ей, укрыл её от беды... Один Этельред, но он и тогда был уже стариком.

Может быть, оттого я и вырос таким непохожим на предков? Говорят, я мало схож даже с отцом. Он был золотобородым великаном, а я в свои девятнадцать лет ещё кажусь мальчишкой. Или это оттого, что я рос бездомным бродягой и Этельред не всякий вечер знал, чем станет кормить меня назавтра?

Мой отец никогда не видел меня, потому что Лодброк отнял нас друг у друга. Отцу не пришлось носить меня на руках и подкидывать высоко-высоко, заставляя задыхаться от ужаса и восторга. Он погиб в день моего появления на свет, погиб в неравном бою на берегу широкого Хамбера. Он отстаивал свою страну и не смог её отстоять, и Лодброк убил его, а в Эофорвике посадил править своего сына Ивара, который тогда уже был старше, чем я теперь.

Ивар сидел в моём доме, а меня кормили чужие люди, и Этельред не смел открыть мне, кто я такой. А когда я совсем замучил его расспросами о родне, он повёл меня в лес, показал холмик под корнями дуба и сказал: здесь лежит твоя мать. Она умерла молодой. И я стал думать, почему же в наших сказках на помощь красавице, гибнущей в лапах дракона, всегда вовремя является доблестный воин, а она, моя мать, умирала в лесу, на мокрой от дождя земле, и никто не примчался спасти её, а ведь она тоже была красавицей?.. Добрый мой Этельред — он выслушал меня и заплакал.

А потом я узнал, что я не просто Элла, а Элла сын Хейма, сын великого короля. Я завидовал подвигам давно умерших героев, но кому из них этот трон достался таким трудом и мукой, как мне! Мне ведь не являлись прекрасные феи, и мудрый волшебник не показывал меча, вросшего в наковальню, и воины, железной стеной окружающие меня теперь, тоже не сами собой встали из земли! Это только гонцы, разносящие вести, так легко срываются на пло-

ищади с криком: слушайте, все люди, наш король Элла разбил в бою викинга Ивара, сына Лодброка, и заставил его бегством спастись из Эофорвика!

Тогда я тоже долго боялся поверить, что это всё наяву, что это и вправду со мной. И оно оказалось-таки призрачным, моё счастье. Ровно через год старый Рагнар вышиб меня из моего Эофорвика — вышиб одним ударом, с налёту, даже не отдохнув после долгого перехода на кораблях! И опять я бежал, и опять мне снилось море, сплошь покрытое страшными полосатыми парусами, и опять каждую ночь Лодброк заносил надо мной свою секиру, смеясь: да с кем ты вздумал тягаться, малыш?.. Со мной, что был славен и знаменит ещё до рождения твоего отца?..

Ну что же — посмотрим, как это выйдет у его сыновей! Я могу хлопнуть в ладоши, и все увидят над воротами его голову, насаженную на копьё. Седую голову Лодброка, заставившего франков петь по церквам: спаси нас, Господи, от ярости норманнов!.. Но стоит мне вспомнить тот взгляд, которым он наградил меня тогда во дворе, те единственные слова, которые я от него слышал, — и моё счастье сникает, точно птица с перебитым крылом. И я чувствую себя сборщиком яиц, забравшимся по скалам на непомерную высоту. Если я велю расправиться с Лодброком, это будет убийство, а не победа. А как победить его? Если бы я знал!

Я определённо сделал что-то не так. Но у меня, как у скалолаза на круче, есть теперь дорога только вперёд...

5. Этельред, книжник

Величайшую истину рёк тот, кто первым отметил проворство недобрых вестей. Ещё не все у нас в Норсхамбрии прослышали о пленении Лодброка, а приезжие люди уже рассказывают, как приняли эту новость его сыновья!

Бьёрн, по прозвищу Железнобокий, играл в кости; и якобы он так сильно стиснул кулак, в котором держал фишки, что потекла кровь. А Ивар, прежний властитель Эофорви-

ка, охотился. И будто бы копьё, выпавшее из руки, пронзило ему ступню — но он не заметил боли... А Убе, которого Рагнар прогнал от себя и единственного из одиннадцати сыновей не наделил королевством, — Убе пировал в окружении верной дружины. И только кивнул головой и продолжал веселиться, словно ничего и не произошло...

И когда Элла, мой король, услышал об этом, он сразу же сказал, что опаснее всех — рыжий Убе. Ведь самые страшные омуты, в отличие от рокочущих, но мелководных перекатов, всегда внешне спокойны и тихи.

Вчера вечером мой король пришёл ко мне и долго листал мои книги, словно пытаясь что-то в них найти. Потом сел напротив меня и спросил: о чём ты пишешь сейчас, отец мой? О том, отвечал я, как ты нынче утром охотился и затравил старого кабана. И как юные вепри набросились на тебя, угрожая клыками. Элла усмехнулся... Неспроста это было, сказал он погодя. Я ведь и вправду затравил старого кабана. Я — как неопытный дровосек, подрубивший корень огромного дерева, и ствол вот-вот рухнет мне на голову, размахивая ветвями. Но скажи, мудрый Этельред, что я мог сделать ещё?.. Другие короли либо насмерть перепуганы, либо надеются откупиться, подобно Карлу, повелителю франков. Все они только и ждут, чтобы сыновья Лодброка срубили мне голову, и тогда они растащат мою Норсхамбрию по частям! Один Эльфред, сын короля Уэссекса, рад прийти мне на помощь, но его отец не даёт ему этого сделать. Я не боюсь смерти, отец мой, но не окажется ли, что всё было напрасно?..

И я ничего не мог ответить моему мальчику, моему королю. Я спросил его: а как ты думаешь поступить с пленником? Элла вздохнул, и тень легла на его лицо. Ты сам знаешь, отец мой, как я его ненавижу, проговорил он тихо. На этой земле нет никого, кто ненавидел бы его больше, чем я. Но я хочу, чтобы перед смертью он посмотрел на меня снизу вверх. Понимаешь, снизу вверх. А он пока что поёт победные песни, сидя в своей яме. Иногда мне хочется вытащить его оттуда и сразиться с ним в поединке — лицом

к лицу. Но я не делаю этого, ибо старый волк легко одолеет меня. Хотя он и стал, говорят, похож на свой собственный призрак. А как ещё заставить его почувствовать себя ниже меня — я не знаю...

...Так мы беседовали с моим королём, когда вошли воины и привели человека, от усталости не державшегося на ногах. Этот человек рассказал, что в устье Хамбера появилось множество боевых кораблей, двигавшихся вверх по реке. А вели их сыновья Лодброка, поклявшиеся вызволить отца или по крайней мере стократно за него отомстить. А берегом Хамбера шло войско короля Мерсии, вступившего с ними в союз.

Сказав так, человек тот повалился на пол и немедленно уснул. Мой король велел раздеть его и уложить, а когда проснётся, дать ему еды и светлого эля. И ещё сказал что-то на ухо старшему из воинов... Но что именно, я не слышал.

Я смотрел на свои книги и жалел о том, что на их месте не было доброго меча, крепкого панциря и окованного щита. И спрашивал себя, кому в этом мире, живущем по законам железа и крови, нужны мои рукописи, мои слабые пальцы, натруженные пером, мои старые полуслепые глаза?.. Будет вечер, и будет утро, и снова чей-то сапог мимоходом втопчет в пыль всё то, чем я жил долгие годы...

И опять я начну всё с самого начала.

Когда же мы вновь остались наедине, мой король вдруг сказал мне: отец мой!.. Я только сейчас, в разговоре с тобой, понял, что всю жизнь ошибался! Я с детства мечтал о мести и был готов возроптать, когда судьба дала этому исполниться, а я не почувствовал удовлетворения! Теперь я понял отчего. Отец мой, ты помнишь, как мы с тобой однажды увидели волка, задравшего отбившуюся от стада корову? У нас животы подводило от голода, но мы не отважились подойти. А на другой день мы встретили стадо, быть может, то самое, и на наших глазах его рога согласно отбросили целую стаю! Ведь это был знак, отец мой, это был знак, посланный мне свыше, но как же долго я оставался слепым и глухим! Я дрался с соседями из-за жалкого клочка пустоши или леса, а должен был сделать всё возможное

для единения наших сил. Одному мне с Лодброком не тягаться, но сообща мы могли заставить его заключить с нами мир! Мир, ты понимаешь?.. Но пока у меня было время, я не видел дальше собственного носа. А теперь сыновья Лодброка подняли его топор, и это конец. И с ними идут на меня мерсийцы, которые могли бы стать мне друзьями. И мир, который мог меня прославить, теперь принёс бы только бесчестье...

Он бессильно опустил голову на руки и надолго умолк. Но потом я услышал, как он пробормотал: однако коль скоро Господь предал Рагнара в мои руки — живым он от меня не уйдёт...

6. Лодброк

Что ещё они кричат там, наверху?..

Рагнар, эй, Рагнар! Слышишь, Лодброк!.. Надевай-ка свои знаменитые кожаные штаны, сейчас они тебе пригодятся...

Над ямой стоят двое: я хорошо вижу, как в багровом факельном свете блестят их глаза. Резким движением они опрокидывают большую корзину... и змеи, целый клубок извивающихся гадюк валится мне на голову! Тысячехвостая смерть с шипением растекается по полу...

Я не боюсь её. Даже те, кого тянули за языки обида, гнев или хмель, ни разу не отваживались назвать меня трусом.

Я был храбр!

Когда мои корабли шли морем, то казалось — их паруса полосаты оттого, что сам Один выгирал о них меч. И голодные чайки с криком летели над нами, спрашивая, скоро ли на покрасневших волнах снова закачается пицца!

Я снова вижу мои боевые корабли, узкие, стремительные, хищные. Гордо и грозно летят они над тёмно-синей пучиной, и белоснежная пена окутывает поднятые форштевни!

Всё дальше и дальше уходят они от меня... уже без меня.

А когда мы высаживались на берег, то после первой же ночи в лесах и оврагах начинали перекликаться волчьи стаи. И чёрные вóроны, каркая, подзывали друг друга — скоро Лодброк снова устроит для них пир!

Я был храбр!

Я первым бросался в сечу, и песня просилась из груди, и когда мои люди подхватывали её — никто не мог против нас устоять. Ни франки у стен Парисаборга, ни англы здесь, в Йорвике, ни даже пермы, сведущие в колдовстве!

Я был храбр!

Я с улыбкой думал о смерти, уверенный, что встречу её в вихре битвы, стоя, как дерево во время грозы! И упаду смеясь — сжимая в руке меч и уже видя перед собой распахнутые двери Вальхаллы и Отца Богов, поднимающего приветственный рог!..

Но в моих зрачках отражаются только осклизлые стены...

Они уходят всё дальше, мои корабли. Ты затравил старого кабана, Элла конунг, но берегись поросят! Уходят без меня, уходят, и ничего уже не разглядеть в сияющей морской синеве...

Убе, мой сын, где же ты, Убе...

7. Этельред, книжник

...Укрепи, Господи, дух мой, дай силу написать о дальнейшем, ибо глаза мои застилает туман, а перо падает из рук!

Я видел, как Элла, мой король, стоял в кругу поверженных тел, вращая вокруг себя меч. И как потом он упал и не мог больше подняться, и лишь тогда стал заметен его невысокий рост и мальчишеские тонкие руки... И сыновья Лодброка долго стояли над ним, вложив в ножны оружие. А потом одновременно шагнули вперёд, и я увидел, как они связали моего короля и повели его туда, где лежало тело их отца, чтобы мёртвый мог насладиться страданиями живого...

А битва ещё длилась, и вот уже рухнула моя дверь, высаженная ударом секиры, и я отшатнулся, потому что сквозь пролом на меня смотрело лицо Рагнара Лодброка. Только морщины старости ещё не покрывали его, и длинные усы были огненно-рыжими вместо седых.

И я заслонил собой свои книги, схватив костяной ножик, попавший мне под руку... Но викинг почему-то не тронул меня. Ты — Адальрад? — спросил он, опуская топор. Что тебе до того, отвечал я, делай то, зачем пришёл, убийца моего короля! Какая тебе разница, как меня звать?

Но он не двинулся с места. Меня называют Убе сыном Рагнара, сказал он. И не много чести прибавит мне расправа со стариком. Я дерусь с теми, кто этого стоит. А убивать подобных тебе — развлечение для трусов и рабов.

Тогда горе придало мне дерзости, и я крикнул: ну так и что же с того! Твой отец был немногим моложе меня!..

Он уже повернулся, чтобы уйти, но эти слова заставили его оглянуться. Да, пожалуй, ты прав, проговорил он медленно, пожалуй, отец был не моложе тебя.

Они поправили мою дверь и заперли её снаружи, чтобы я не мог выйти. И тогда я упал на колени и стал молиться о душе моего короля. Я не думал, что мне доведётся увидеть его ещё раз. Но под утро за моей спиной снова скрипнула дверь, и я увидел рыжего Убе. Идём со мной, Адальрад, сказал мне датчанин. Твой конунг был мужествен. Он заслуживает, чтобы ему дали умереть по законам его веры.

И я пошёл. Я не помню, как мы спускались по лестнице, как он вёл меня через двор — а там уже возводили погребальный костёр для его отца, — помню только, как я увидел моего мальчика... Я всё не верил, что он умирает, я уложил его голову к себе на колени, я всё хотел чем-нибудь ему помочь...

Отец мой, прошелестели его губы. Если останешься жив, отправляйся в Уэссекс, к юному Эльфреду. Может быть, ему удастся то, что не удалось мне... И я пообещал ему, и он успокоенно закрыл глаза, и я уже думал, что это конец.

А Убе стоял рядом с нами, и кто-то подошёл к нему спросить, не пора ли тащить предводителя англов — Ивар конунг хочет зажигать священный костёр... Убе велел воину убраться.

А мой мальчик открыл глаза ещё раз, чтобы взглянуть в рассветное небо, которое ветер на миг очистил от зловонного дыма пожаров. Он сказал мне: отец мой... я убил Рагнара, но победить его так и не смог... однако ты напиши в своей книге, что и я умер непобеждённым...

Я слышу имя Рагнара, проворчал Убе. Что он там говорит об отце, этот твой конунг? Я перевёл ему, и он скривил губы: победитель!.. Но потом Убе задумался и в конце концов сказал: а жалко, что мы с ним после смерти пойдём на разные небеса. Я бы вовсе не отказался сесть с ним в Вальхалле за один стол!..

А я посмотрел на моего короля и увидел, что душа его отлетела. Мой мальчик уснул, как всегда в детстве, положив голову на мои колени.

Убе дал мне беспрепятственно выйти из города... Я спросил его: для чего он приказал оставить мне жизнь? Какой смысл в ней теперь, после гибели моего короля?.. Убе выслушал и усмехнулся. Тебя называют мудрецом, Адальрад, сказал он. Но как я погляжу, кое-что тебе всё-таки недоступно.

...И вот мой посох и стоптанные сандалии шаг за шагом отмеряют пройденный путь. Передо мной лежит долгая, долгая дорога на юг: её завещал мне мой мальчик, мой король. Я постараюсь добраться к Эльфреду в Уэссекс. Я расскажу ему о жизни и смерти моего короля; пусть он задумается над этим рассказом. В минуту отчаяния Элла назвал ошибкой всю свою жизнь. Не мне судить, так ли это, — но если так, пусть Эльфред её не повторит.

Однако ему будет легче.

Ему не придётся сражаться с Лодброком.

ОРЛИНАЯ КРУЧА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

АРНИ И АРНАРБРЕККА

Арни знал, как рождаются плавучие горы... Далеко-далеко в Западном море есть острова, от берега до берега покрытые льдом. Люди верят, что это вовсе не острова, а макушки древних великанов, вколоченных в земную твердь молотом рыжебородого Тора. Не многие мореплаватели подходили к ним на кораблях. И ещё меньше вернулось, чтобы рассказать.

Лёд на островах копится веками. Его так много, что он расплзается под собственной тяжестью, словно куча песка. Лёд достигает воды, и солёные волны принимаются грызть его снизу. Зелёные трещины уходят в белое тело ледника. Морские бури сотрясают его край. И наконец он не выдерживает. Всем телом вздрагивает поверженный исполин. В гуле и грохоте, в чудовищных волнах от побережья откалывается гора... Сперва она медленно оседает глубоко в воду. Потом так же медленно всплывает. И ещё долго раскачивается, выбирая, на каком боку плыть. Но наконец морское течение увлекает её с собой. Неторопливо движется ледяная гора, и нет силы, способной встать на её пути...

Арни ни разу не покидал родного фиорда. Он никогда не ходил в море на корабле, и далёкие острова не выросли перед ним из тумана. О том, как рождаются ледяные горы, он слышал от людей. А вот как они умирают возле берега, напорвшись на подводные скалы, Арни видел сам...

1

Это было его третье лето на верхних лугах. Верхние луга называются сетер; там много доброй травы, и морские ветры сдувают мух с коровьих боков. Скот проводит в горах целое лето, нагуливая жир. А чтобы не было стаду убытка от жадного зверя или человека, охочего до чужого добра, на сетере до самой зимы живут собаки и пастухи.

Горные луга не разгораживают заборами, потому что они принадлежат всем. Рога здесь встречаются с рогами и копыта с копытами — так гласит закон. Этот закон составили мудрые люди. Скот бродит где хочет, и никто не смеет прогнать чужую корову, приберегая лакомую траву для своей. Когда же до праздника Зимних Ночей остаётся всего месяц и приходит время возвращаться домой, то-то беспокойства прибавляется пастухам! И делается ясно, кто зря кормит свою собаку, а кто — не зря.

У Арни был пёс многим на зависть. Быстроногий, мохнатый и суцая погибель для волков. Арни называл его Свасуд — Ласковый, хотя люди считали, подобное имя мало ему подходило. Свасуд знал всех своих коров и без ошибки отбивал их в любой толкотне. Пастухи за него предлагали красивую крашеную одежду и даже серебро. Но Арни только смеялся.

Лето кончалось... Ещё несколько ночей, и снизу, со двора, придёт работник и скажет, что пришла пора гнать стадо домой.

Арни сидел без всякого дела и смотрел в море. Свасуд спал рядом на нагретых солнцем камнях. Просторное море до самого горизонта покрывали зелёные лепёшки шхер. Арни очень хотелось побывать на островах, а ещё лучше — там, дальше, куда с пастбища нельзя было и заглянуть. Может, где-нибудь там, в шхерах, стоял на якоре боевой корабль Свана Рыжего. В начале лета во двор заглянули люди от самого Хальвдана конунга и передали, будто кто-то видел в море его паруса и как бы не струсил от этого большой беды. Хозяин двора тогда здорово перепугался

и не мог скрыть свой страх, и люди рассказывали, будто Скъёльд Купец, живший у вершины фиорда, перепугался ещё сильнее. Арни тогда сразу же захотелось, чтобы викинги действительно причалили где-нибудь поблизости и наделали переполоху ещё больше. Арни уж разыскал бы знаменитого Свана. Да и спросил его, берёт ли он к себе на корабль беглых рабов.

Потому что Арни родился рабом, а раб всю жизнь роется в грязи. Если, конечно, не сумеет выкупиться или убежать. Но выкупаются всегда кузнецы и другие мастеровитые люди, а Арни был пастухом. Вот и снился ему Сван Рыжий на боевом корабле. Однако в проливах здешних шхер уверенно плавал только тот, кто тут вырос и хорошо знал берега. Любой другой очень скоро оказался бы на камнях. И даже Сван.

А горное пастбище-сетер, где ходили коровы, обрывалось в море с такой высоты, что откос прозвали Арнарбреккой — Орлиной Кручей, и вовсе не из-за орлов. Арни нашёл бы о чём рассказать, если бы захотел. Два года назад, когда Свасуд ещё был пушистым и бестолковым щенком, этого щенка угораздило свалиться с Арнарбрекки вниз. Глупым часто бывает удача. Когда Арни подполз к краю обрыва, мокрый щенок еле слышно плакал далеко внизу, выкарабкавшись из воды на камень. Арни, успевший полюбить малыша, спустился за ним вниз. Завязал его в свою рубашку и взобрался назад... Опасный путь туда и обратно отнял полдня. Поединок с Арнарбреккой был подвигом даже для взрослого парня, не то что для мальчишки десяти зим от роду, но Арни никому не стал говорить. Потому что все эти полдня коровы на пастбище оставались без присмотра, и навряд ли следовало ждать за это похвал. К тому же он тогда изодрал себе все колени и локти и натерпелся такого страха, что стыдно было и вспомнить...

Обыкновенно Свасуд всё замечал раньше хозяина. Когда он вдруг проснулся и насторожил уши, Арни сразу схватил его за ошейник. В собачьей груди уже kloкотало глухое рычание. Свасуд никогда не лаял, потому что его отцом

был волк. Коровам и другому понятливому зверью вполне хватало такого вот рычания. Да ещё железного лязга зубов.

Свасуд долго тащил Арни через кусты. Эта часть луга была загромождена валунами, и пастух долго не мог понять, чей же запах достиг бдительного собачьего носа. Однако потом впереди послышались голоса. Арни остановился: чужие люди редко забредали на сетер, а если и забредали, то незачем было ждать от них добра. Но ему показалось, что те, впереди, говорили не о коровах. Он тихо велел Свасуду лечь, и тот лёг, хотя и не очень охотно. Шерсть у него на загривке по-прежнему стояла торчком. Дважды звать его не придётся.

Арни по-охотничьи крался на голоса, пока они не зазвучали совсем рядом. Тогда он опустил на колени и осторожно выглянул из-за скалы.

Людей было трое... Двоих сыновей Скъёльда Купца Арни сразу узнал. Скъёльдунги стояли к нему спиной. Один держал в руках меч, а другой — натянутый лук со стрелой на тетиве.

Третий, в синей рубашке, прижимался лопатками к скале. Он опирался одним коленом о камень, и сапог на той ноге был красным от крови. В правой руке у него тоже был меч, а левая стягивала на груди рубаху, и из-под ладони расплзалось уродливое пятно. Однако было видно, что раны не скоро его повалят. И ещё: сыновья Скъёльда его боялись! Даже израненного и даже вдвоём.

Опасного зверя приканчивают издали — стрелой. Или ждут, чтобы он истёк кровью, и тогда уже наклоняются снимать с него шкуру. Братья Скъёльдунги переходили с места на место и громко переговаривались, выбирая, как поступить. Человек у скалы молчал и не шевелился, только меч в руке легонько подрагивал — вверх-вниз.

На глазах у Арни стрелок быстро прицелился и спустил тетиву. Незнакомец почти не глядя отмахнулся мечом. Головка стрелы стукнула о железо. Человек усмехнулся:

— Переломашь все стрелы, сын Скъёльда. Придётся тебе бежать домой за другими, а мне скучать здесь, ожидая тебя!

СОДЕРЖАНИЕ

Два короля. <i>Историческая повесть</i>	5
Орлиная круча. <i>Историческая повесть</i>	21
Сольвейг и мы все. <i>Историческая повесть</i>	77
Хромой кузнец. <i>Повесть</i>	119
С викингами на Свальбард. <i>Историческая повесть</i>	191
Я расскажу тебе о викингах. <i>Очерк</i>	327

Литературно-художественное издание

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА СЕМЁНОВА
ВИКИНГИ

Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.02.2019. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 26,88. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MN-18027-04-R